

УИЛЬЯМ
БЕРРОУЗ

18+

ДЖАНКИ

Чак Паланик и его бойцовский клуб

Уильям Берроуз

Джанки

«АСТ»

1961-1968

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84(7Coe)-44

Берроуз У. С.

Джанки / У. С. Берроуз — «АСТ», 1961-1968 — (Чак Паланик и его бойцовский клуб)

ISBN 978-5-17-103529-7

Маленький роман, который навеки изменил лицо современной нонконформистской прозы. Роман, который открыл миру страшную тему наркозависимости – и тем самым открыл путь в литературу для Хантера Томпсона, Ирвина Уэлша и многих других мастеров, для которых эта болезненная тема стала ключевой в творчестве. Странная, безжалостная и гениальная книга, в которой мир реальности причудливо и изощренно сочетается с миром фантазий и галлюцинаций. Блистательно написанный «путеводитель по аду», который заставил бы содрогнуться в ужасе самого Данте, – ведь ад от Берроуза есть не вымысел, а реальность. Книга содержит нецензурную брань

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-103529-7

© Берроуз У. С., 1961-1968
© АСТ, 1961-1968

Содержание

Пролог	6
Джанки	10
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Уильям Берроуз
Джанки
Роман

William S. Burroughs

Junky

© William S. Burroughs, 1961, 1966, 1968

© Перевод. А.А. Кривцов, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Пролог

Я родился в тысяча девятьсот четырнадцатом, в солидном трехэтажном кирпичном особняке, в одном из самых крупных городов Среднего Запада. Семья жила в полном достатке. Отец владел предприятием, которое занималось поставками пиломатериалов. Прямо перед домом – лужайка, на заднем дворе – сад, садок для рыб и окружавший все это хозяйство высокий деревянный забор. Помню фонарщика, зажигавшего газовые уличные фонари, здоровый, черный, блестящий «линкольн» и поездки в парк по субботам – всю эту бутафорию безопасного, благополучного образа жизни, ушедшего теперь навсегда. Я мог бы рассказать еще о старом немецком докторе, жившем в соседнем доме, о крысах, шнырявших на заднем дворе, тетиной газонокосилке и о моей ручной жабе, обитавшей рядом с садком, но не хотелось бы опускаться до шаблонов, без которых не обходится ни одна автобиография.

По правде говоря, мои ранние детские воспоминания окрашены страхом ночных кошмаров. Я боялся остаться один, боялся темноты, боялся идти спать – и все это из-за видений, в которых сверхъестественный ужас всегда граничил с реальностью. Я боялся, что в один прекрасный день мой сон не кончится, даже когда я проснусь. Я вспоминал подслушанный мной рассказ прислуги об опиуме – о том, какие сладкие, блаженные сны видит курильщик опиума, и говорил себе: «Вот когда вырасту, то обязательно буду курить опиум».

В детстве я был подвержен галлюцинациям. Однажды ранним утром я увидел маленьких человечков, играющих в игрушечном домике, который я собрал. Страх я не испытал, только какое-то спокойствие и изумление. Следующая навязчивая галлюцинация или кошмар, преследовавший меня неотступно в возрасте четырех-пяти лет, был связан с «животными в стене», он начинался в бредовом состоянии от странного, не поддающегося диагнозу нервного возбуждения.

Я посещал начальную школу с будущими примерными гражданами – адвокатами, докторами, бизнесменами этого крупного городского захолустья на Среднем Западе. В общении с другими детьми был робок и ужасно боялся физического насилия. Одна агрессивная маленькая лесбиянка дергала меня за волосы всякий раз, когда замечала. Так бы и вмазал ей сейчас по роже, но, к сожалению, опоздал – давным-давно она свалилась с лошади и сломала себе шею.

Когда мне было около семи, мои родители решили переехать на окраину, дабы «скрыться от людей». Купили большой дом, окруженный лесами и полями, с рыбьим садком и белками вместо крыс. Так и зажили здесь, в спокойной дыре с прекрасным садом, напроць оборвав все связи с городской жизнью.

В средней школе я ничем особо не выделялся ни в спорте, ни в учебе и был типичным середнячком. Математика, как и остальные точные науки, была для меня темным лесом. Никогда не любил спортивные командные состязания, по возможности стараясь от них увильнуть. Короче, слыл хроническим симулянтом. Зато обожал рыбачить, постреливать всякую живность и подолгу шататься. Для американского мальчика того времени я читал гораздо больше обычного: Оскара Уайльда, Анатоля Франса, Бодлера, даже Андре Жида. На почве романтики я сдружился с одним парнем, и по выходным мы исследовали старые каменоломни, катались по округе на велосипедах и рыбачили везде, где только клевало.

В то время меня просто потрясла автобиография одного вора-взломщика под названием «Всегда не прав», где автор вполне обоснованно утверждал, что провел большую часть своей жизни за решеткой. Для меня, в сравнении со скучотищей «среднезападного болота», напроць исключавшего всякую связь с внешним миром, это звучало захватывающе интересно. В своем приятеле я видел союзника, сообщника в преступлениях. Наткнувшись на заброшенную фабрику, мы перебили там все стекла и стянули резец. Нас поймали, и наши предки были вынуждены возместить причиненный ущерб. После этого мой дружок меня «законсервиро-

вал», поскольку общение со мной стало угрожать его положению в «определенных кругах». Я вскоре понял, что с этими «определенными кругами», как и со всеми остальными людьми, невозможен какой бы то ни было компромисс, и обрел себя в полной мере в совершенном одиночестве.

Окружение опустело, противник затаился, и я предался приключениям в одиночку. Мои мелкоуголовные деяния были жестами абсолютно невыгодными и по большей части безнаказанными. Я мог забраться в пустой дом, слоняться там по комнатам и смотреть, так ничего и не взяв. Бабки мне были, по сути дела, не нужны. Иногда я колесил по округе с винтовкой 22-го калибра, подстреливая цыплят. Я водил машину с полным пренебрежением к правилам дорожного движения, пока не вляпался в аварию (из которой выпутался чудом и сравнительно легко отделался), сильно перепугался и стал обыденно осторожным.

Я поступил в один из трех ведущих университетов, где специализировался по английской литературе, не проявляя ни малейшего интереса к какому-либо другому предмету. Я ненавидел университет, ненавидел город, где он находился. Все, что соприкасалось с этим местом, разило падалью. Университет, бывший убогой подделкой под английский, заполнили выпускники закрытых средних учебных заведений, столь же убого-поддельных под английские частные школы. Я оказался в полной изоляции, так как никого здесь не знал, а замкнутая корпорация вышеупомянутых типов питала отвращение к чужакам.

Совершенно случайно повстречал нескольких денежных педрил из международной голубой системы, путешествовавших по всему миру, снимавших себе подобных во всех голубых притонах от Нью-Йорка до Каира. Я, выражаясь языком социологов, усвоил их образ жизни, лексику и знаковую систему. Но, поскольку в большинстве своем они были полными ничтожествами, я резко охладел к этой компании после первоначальных восторгов.

Когда я без всяких отличий окончил учебу, то получал по отцовской доверенности сто пятьдесят долларов в месяц. На дворе — депрессия, работы не было, даже если я слишком хотел чем-нибудь заняться, думать об этом не приходилось. Я мотанул в Европу, проболтавшись там около года. Европа находилась в последней стадии послевоенного догнивания. За баксы можно было купить большую часть населения Австрии, самцов или самок, без разницы. Это было в 1936 году, незадолго до прихода нацистов, которые вскоре прикрыли либидные пляски заокеанских туристов.

Вернулся в Штаты. Благодаря деньгам, доставшимся мне из трастового фонда, я мог спокойно жить, не работая и не преступая закон. Я и в мыслях не возвращался к тому образу жизни, который вел в родной дыре на Среднем Западе. Бесцельно болтаясь, посещал курсы лекций для дипломников по психологии и брал уроки джиу-джитсу. Решив пройти курс психоанализа, около трех лет продолжал изыскания в данной сфере, устранив для себя внутренние запреты и общую озабоченность, чтобы жить как мне хочется. Успехам в психоанализе я был в самой малой степени обязан своему аналитику, невзлюбившему мою, как он выражался, «ориентацию». В конце концов, презрев аналитическую объективность восприятия, этот чувак выставил меня за дверь как «отъявленного мошенника». Впрочем, я был больше, чем он, удовлетворен достигнутыми результатами.

После того как по причине физической непригодности меня не приняли на курсы офицерской подготовки (я обратился наудачу в пять мест и везде получил отказ), меня призвали в армию, признав, судя по всему, годным к бессрочной службе без права на повышение. Осознав, что солдатская лямка в скором времени станет удавкой, я незамедлительно отмазался, вытащив на свет божий древнее заключение родной психушки.

Как-то раз, протаскившись от приколов Ван Гога, я отрезал себе кончик мизинца, надеясь произвести впечатление на занимавшую меня в то время особу. Врачебная «психбратия» никогда не слышала о Ван Гоге и констатировала шизофрению, к тому же в параноидальной форме, что объясняло не вписавшийся в их диагностику фактик: я прекрасно понимал, где и

с кем находился, и знал, кто был президентом Соединенных Штатов. Когда армейские шишки увидели этот диагноз, меня немедленно демобилизовали с категоричной пометкой в белом билете: «Сей муж более не подлежит призыву или перекомиссовке».

Развязавшись с военной бодягой, я переменил множество занятий. К тому времени можно было уже найти любую работу, какая только в голову взбредет. Работал частным детективом, дезинсектором, барменом. Трудился на заводах и в конторах, параллельно ошиваясь в околоуголовной среде. Но чем бы я ни занимался, каждый месяц имел свой минимум в сто пятьдесят долларов, как штык. В принципе мне не нужно было делать деньги, поэтому рисковать своей свободой ради совершения поступков, расцениваемых как преступления, казалось романтическим сумасбродством. Как раз в то время и при таких условиях я повстречался с морфой и стал наркоманом. Сразу же возник приевшийся мотив – настоящая потребность в деньгах, доселе мною не испытываемая.

Один из самых распространенных вопросов: «Почему человек становится наркоманом?» Ответ предельно прост – обычно он не рассчитывает, что станет им. Невозможно однажды встать утром с постели и сразу решить стать наркоманом. Чтобы хоть как-нибудь сесть с полного чистяка, надо ширяться по крайней мере три месяца, дважды в день. И никогда по-настоящему не узнаешь, что такое морфьяная ломка, пока не пройдешь через несколько подсадок. Я пер до первого привыкания аж полгода, да и тогда отходняк был довольно слабым. Думаю, не будет преувеличением сказать – требуется около года и несколько сотен инъекций, чтобы тот или иной субъект состоялся как наркоман.

Можно, конечно, спросить: «А почему вы вообще пробовали наркотики? Почему вы продолжали употреблять их достаточно долго для того, чтобы стать наркоманом?» К наркотикам привыкаешь, потому что в других сферах деятельности нет особо сильных желаний, привязок, стимулов, нет мотивации. Джанк заполняет собой пустоты. Попробовал я его главным образом из любопытства. И поплыл по течению, ширясь, когда только мог затариться. А закончил подсевшим. У большинства говоривших со мной наркоманов все протекало по схожему сценарию. Они не могут вспомнить какой-либо конкретной причины, по которой они стали употреблять наркотики. Это происходило само собой... Они просто торчали, пока не подсели. Если ты никогда не ширялся, то не сможешь четко осознать, что значит нехватка джанка при особой потребности наркомана в нем. Не ты решаешь, стать ли тебе наркоманом. Однажды просыпаешься, и на тебе – ломка, готово, парень, приехали.

Я никогда не сожалел о своих наркотических опытах. Думаю, что благодаря джанку нахожусь сейчас, чисто физически, в гораздо лучшем состоянии, нежели то, в котором находился, если бы никогда не был наркоманом. Когда перестаешь расти, начинаешь умирать. Наркоман же никогда не перестает расти. Большинство торчков периодически слезают, вызывая этим усыхание организма и замену джанкозависимых клеток новыми. Опиоман в своем повседневном круговращении от потребности в уколе до ее удовлетворения пребывает в состоянии беспрерывного усыхания и роста организма.

Многие наркоманы выглядят гораздо моложе своих лет. Ученые недавно ставили опыты на червях: они лишали их питания и исследовали процесс усыхания. Благодаря тому, что делалось это с интервалами и организм находился в состоянии непрерывного роста, жизнь червя затянулась на неопределенное время, поправ все отпущенные ему сроки. Если джанки сможет поддерживать в себе цепь таких беспрерывных рывков, то, возможно, станет феноменальным долгожителем.

Джанк подобен уравнению, на уровне клеточного строения, через которое постигаешь фундаментальные законы действительности. Потребляя джанк, я очень многому научился – увидел жизнь выверенного под углом зрения, отраженного в каждой капле раствора морфия. Во время ломки познал мучительность лишения и наслаждение от облегчения, когда истомленные жаждой джанка клетки впитывают из иглы живительную влагу. Вероятно, все виды насла-

ждений приносят облегчение. Я познал стоицизм на том физическом уровне, которому джанк учит потребителя. Я видел тюремные камеры, битком набитые изломанными джанки, безмолвными и неподвижными в своем особом страдании. Они знали о бессмысленности жалоб и движений. Они знали, что по существу никто не сможет помочь кому-либо другому. И нет решений задачи, нет тайны, которую ее владелец может тебе доверить.

Я познал формулу джанка. Опиаты – это не способ увеличить удовольствие от жизни, подобно алкоголю и траве. Джанк – не стимулятор, это образ жизни.

Джанки

Впервые я познакомился с джанком во время войны, где-то в 1944–1945 годах, сдружившись с человеком по прозвищу Нортон, работавшим в то время на верфи. Настоящая фамилия Нортон, уволенного в запас еще в мирное время за подделку платежного чека и, очевидно, по причине дурного склада характера получившего статью «4-эФ», была что-то типа Морелли. Он походил на Джорджа Рафта, только ростом был повыше. С моей посильной помощью Нортон пытался усовершенствовать свой английский и научиться вести себя, как принято в приличном обществе. Хорошие манеры тем не менее плохо ему прививались. По возвращении в привычную атмосферу его речь становилась груба и вульгарна, и, даже не глядя на него, можно было понять, что он по сути своей жлоб, таким и останется.

Будучи вором-работягой, Нортон не мог успокоиться, пока в течение дня не стянет хоть что-нибудь со своей верфи. Таскал все, что под руку попадалось, – инструменты, консервы, спецодежду. А однажды позвонил мне, сообщив, что украл пистолет-пулемет. Смогу ли я найти для него покупателя? «Может быть. Тащи штучку сюда», – ответил я.

Давала знать о себе нехватка жилья. За грязную и узкую, как трап, квартирку, куда никогда не заглядывало солнце и которая выходила прямо на лестницу, я платил пятнадцать долларов в неделю. Обои отклеились по причине незамедлительного просачивания пара из батареи, как только там появлялось что-то способное просачиваться. Окна были наглухо забиты и заклеены от холода газетами. В помещении кишмя кишели тараканы, а изредка в списке моих бытовых жертв мелькали не бог весть какие клопы.

Когда Нортон постучал в дверь, я сидел у батареи, немного взмокший от пара. Распахнул дверь, и вот он уже стоит в прихожей, под мышкой – большой сверток, обернутый в коричневую бумагу. Поздоровался со мной, расплылся в улыбке. «А-а, Нортон, входи, только пальто сними», – говорю. «Томми» (пистолет-пулемет) распаковали, собрали, передернули затвор. Я сказал, что постараюсь найти покупателя.

– Ах да, – спохватился Нортон. – Ведь я раздобыл кое-что еще.

Это была плоская желтая коробка, входившая в комплект воинской аптечки для оказания первой помощи, с пятью полграновыми ампулами тартрата морфия.

– Пока просто образчик, – сказал он. – У меня дома пятнадцать таких упаковок. Сумеешь сплавить, еще достану.

– Ладно, я посмотрю, что смогу сделать.

До этого момента я никогда ничего из опиатов не пробовал, даже в голову не приходило попробовать. Получилось так, что именно благодаря поискам покупателей на эти два товара я вышел на Роя и Германа.

В числе моих знакомых был один молодой хулиган из северного Нью-Йорка, стряпавший с целью «расслабиться», как он объяснял, специальные заказные блюда в «Райкере». Дозволившись до него и доложив про жареный товар, забил стрелу в баре «Энгл» (Угловой) на Восьмой авеню рядом с Сорок второй улицей.

Этот бар был местом встреч местных аферистов, своеобразной породы пробавающих по мелочам прилатненных типов. Такие субъекты вечно в поисках «организатора» – того, кто разработает операции, разжевав им их функции до мельчайших деталей. А так как изначально ни один «организатор» не будет связываться со столь явно безмазовым и бесфартовым фуфлом, они начинают искать сами, сочиняя нелепые байки о своих немыслимых бандитских подвигах, «расслабляясь» под видом мойщиков посуды, продавцов газировки, официантов, изредка кидая пьяных и робких педиков, высматривая, вечно высматривая «организатора» с

крупным дельцем, который придет и скажет: «Я наблюдал за тобой. Ты именно тот, без которого мне в этой задумке не обойтись. А теперь слушай сюда...»

Джек – парень, через которого я познакомился с Роем и Германом, не принадлежал к этому стаду потерянных овечек, мечущихся в поисках пастуха с бриллиантовым перстнем на пальце и пушкой в кобуре за пазухой, с суровым, уверенным в себе голосом, подкрепленным обертонами многочисленных заказчиков и исполнителей, мозга-покровителя, делающего слово «ограбление» звучащим проще, роднее и вселяющим уверенность в успехе. Время от времени ему улыбалась фортуна, и тогда он обязательно появлялся в новом прикиде, даже на новой тачке. Впрочем, тоже был непродоходимым брехуном, вравшим больше для себя самого, а не для присутствующих. Его резко очерченное, здоровое деревенское лицо не служило, правда, зеркалом внутрителесной гармонии. Наоборот, вокруг него витало нечто необычайно заразное. У Джека случались неожиданные перепады в весе, как у диабетика или печеночника. Эти перепады сопровождались неконтролируемыми приступами двигательной-речевой активности, после чего он исчезал на несколько дней.

Эффект был жутким. Совсем недавно вы видели перед собой внешне бодрого паренька. Неделью спустя, а то и больше, он появлялся настолько похудевшим, пожелтевшим и постаревшим, что запросто можно было обознаться и уж, во всяком случае, приходилось повнимательнее к нему присмотреться. Его физиономию переполняло страдание, которое не выражали только его глаза. Страдали лишь клетки, а он сам – сознательное Эго, поглядывавшее по сторонам стеклянными, настороженно-нагловатыми, хулиганскими глазами – ничего не собиравшись предпринимать по отношению к действию бракованной части своего организма – нервной системе, плоти, внутренностям и клеткам.

Незаметно скользнув за столик, где я сидел, Джек заказал порцию виски. Залпом выпил, поставил стакан и, откинувшись чуть назад, слегка наклонив голову, взглянул на меня:

– Ну и что этот чувак достал?

– Пистолет-пулемет и около тридцати пяти гранов морфия.

– Морфий я могу скинуть прямо сейчас, а с «Томми» придется немного повозиться.

В бар зашли два детектива и, подвалив к стойке, заговорили с барменом. Джек судорожно дернулся в их сторону:

– Легаши... Давай-ка прогуляемся.

Я двинул из бара вслед за ним. Покачиваясь на выходе, он выполз на улицу и сказал:

– Я сведу тебя с парнями, которым нужен морфий. Адрес этот постарайся забыть.

Спустились на платформу подземки, ветки «Независимая». Голос Джека, обращенный к его невидимой аудитории, гудел не умолкая. Грузил профессионально, метя прямо в твое сознание. Заткнуть его не мог никакой внешний шум.

– Каждый раз будешь давать мне тридцать восемь. Убери на хер свой молоток и дай ей пройти. Любого, кто дернется, сброшу с 500 футов... Да насрать мне на твои слова... У моего братца в Айове отложены на черный день два пулемета тридцатого калибра.

Выбравшись из подземки, запетляли по заснеженным тротуарам между многоквартирными домами.

– Чувак долгое время мне должен был, понимаешь? Я-то знал – бабки у него имелись, просто отдавать не собирался. Вот я и ждал, пока он закончит работу. А с собой прихватил колбаску с пятицентовиками. Зато за американскую наличность в кармане никто тебе ничего не пришьет. Сказал, что на нуле... Ха... Я сломал ему челюсть и вытряс-таки свои деньги. Там еще двое его дружков стояли, но так и остались жаться в сторонке. Я выкидушку на них наставил.

Мы поднимались вверх по лестнице. Ступеньки из истертого черного металла. Остановились напротив узкой, окованной железом двери, и Джек, пригнувшись к полу как заправский взломщик, простучал условный сигнал. Дверь открыл огромный, размякший педрила в

последнем приступе молодости, с татуировками на предплечьях и даже на тыльных сторонах ладоней.

– Это Джои, – представил его Джек.

– Ну, здравствуй, – отозвался Джои.

Джек, выудив из кармана пятидолларовую купюру, протянул ему:

– Слушай, Джои, может, сгоняешь за квартирой Шенли?

Тот натянул пальто и вышел.

В большинстве многоквартирных домов входная дверь открывается прямо в кухню. Этот не был исключением, и мы оказались именно там.

Когда Джои вышел, я поймал на себе чей-то взгляд и заметил стоявшего рядом другого парня. Его большие карие глаза источали флюиды враждебности и недоверия, отдаленно напоминая свечение включенного ящика. Прохватило, почти как от предстоящей драки. Он был небольшого роста, худющий, верхние пуговицы рубашки расстегнуты. Цвет лица от почти коричневого поблек до пятнисто-желтого. Будто пытаюсь скрыть кожную сыпь, его активно напудрили блинной мукой, а рот весь растянулся в гримасе нестерпимого раздражения.

– А это кто? – спросил он, указывая на меня. Позже я узнал, что его зовут Герман.

– Мой приятель. Хочет скинуть немного морфы...

Герман пожал плечами и сунул руки в карманы. «Не думаю, что буду из-за этого трепыхаться».

– Ладно, – протянул Джек. – Продадим кому-нибудь другому. Пошли, Билл.

Небольшая гостиная... Маленькая радиола, фарфоровый Будда, напротив – церковная свечка и прочие безделушки. На тахте лежал человек. Как только мы вошли, он приподнялся, поздоровался и, приятно улыбнувшись, обнажил грязные, почерневшие зубы. Говорил как южанин, с восточнотехасским акцентом.

Джек начал по новой:

– Рой, это мой приятель... У него есть морфий на продажу.

Человек сел, спустив ноги с тахты. Вяло зевнул, придав лицу безучастное выражение. Гладкая и загорелая кожа, резкие скулы. Чем-то смахивал на азиата. Череп асимметричный, уши торчали под прямым углом. Глаза, наподобие германовских, с необычайным блеском, как будто за зрачками находились опаловидные световые точки, в которых отражалось все комнатное освещение.

– Сколько у тебя?

– Семьдесят пять полграновых армейских ампул.

– Стандартная рыночная цена – два доллара за гран. Ампулы, правда, стоят поменьше. Людям нужен морфин в таблетках, а в этом стекле слишком много воды. Придется выпарить продукт, а потом уже приготовить.

Он сделал паузу, лицо приняло озадаченное выражение.

– Могу взять по полтора бакса за гран, – выдавил он наконец.

– Думаю, сойдемся.

Затем Рой спросил насчет связи и получил мой номер телефона. Тут с бутылкой виски приперся обратно Джои, и мы уселись пить. Торчавший на кухне Герман высунулся, позвав Джека:

– Можно тебя на два слова?

Слышал вполуха, как они о чем-то спорили. Потом Джек вернулся, а Герман с концами завис на кухне. Все немного поднабрались, и Джек принялся рассказывать очередную боевую историю:

– Мой партнер вскрыл одну халупу. Хозяин дрыхнет себе спокойненько, а я стою над ним с трубой длиной в три фута. В ванной откопал... А на конце трубы вентиль, представляете? Вдруг он ни с того ни с сего очухался, выпрыгнул прямо из постели и попробовал сделать ноги.

Но не тут-то было. Познакомился с вентилем и, шатаясь, добрался до соседней комнаты. Кровь с каждым стуком сердца хлестала у него из головы футов на десять. – Нагнетая атмосферу, он размахивал руками, предлагая себя одновременно в качестве обеих сторон. – Вы только представьте себе, мозги вытекают, все в кровище...

Джек неистово загоготал:

– Моя герла ждала в тачке... Назвала меня – ха-ха-ха! – она назвала меня – ха-ха-х... хладнокровным убийцей.

Он ржал, пока не побагровел.

Спустя несколько вечеров после встречи с Роем и Германом я употребил одну из ампул, потеряв опийную девственность. Ампула похожа на заостренный тубик с зубной пастой. Давишь иглой в этот кончик, прокалываешь перемычку; и если не собираешься почистить продукт, можешь моментом вмазываться.

Сначала морфий цепляет нижнюю поверхность ног, затем заднюю часть шеи, нарастающая волна расслабухи охватывает мышцы тела, ослабляя их настолько, что тебе кажется, будто плаваешь без каких-либо четких очертаний или просто лежишь в теплой солоноватой воде. Как только релаксирующая волна вихрем прокатилась по моим тканям, я испытал сильнейшее чувство страха. Чудилось, что вне поля моего зрения находится некий ужасный образ, передвигавшийся при каждом повороте моей головы, чтобы я никогда не мог четко его разглядеть. Подташнивало. Я лег и закрыл глаза. Проследовала череда картинок, очень похоже на просмотр фильма: огромный, в неоновых огнях коктейль-бар, становившийся все больше и больше, пока улицы, транспорт, ремонтные мастерские не растворились в нем; официантка с черепом на подносе; звезды в безоблачном небе. Физическое воздействие ужаса смерти; отключение дыхания; остановка кровообращения. Задремал, а когда проснулся, страх снова охватил меня. На следующее утро проблевался, тошнотворное состояние сохранялось до полудня.

Тем же вечером позвонил Рой.

– Я насчет того, о чем мы договаривались намеренно. Коробка пойдет за четыре доллара, возьму пять прямо сейчас. Ты занят? Я могу приехать к тебе. Полагаю, что придем к рабочему соглашению.

Прошло всего несколько минут, а он уже стучался в дверь. На нем была шотландка и темный, кофейного цвета свитер. Обменялись приветствиями. Безучастно оглядевшись, Рой сразу высказался о наболевшем:

– Не возражаешь, если приму одну прямо сейчас?

Я в знак согласия открыл коробку. Вытащив ампулу, он набрал раствор и втерся в ногу. Проворно спустив штанину, выложил двадцать долларов на кухонный стол, где уже лежали пять упаковок.

– Придется распотрошить... Слишком уж неудобно с ними таскаться. – И Рой принялся перегружать ампулы в карманы куртки. – Надеюсь, не побьются... Слушай, я звякну через денек-другой, как с ними разберусь, и будет чуток побольше денег.

Он нахлобучил шляпу на свой неровный череп.

– До встречи.

Вернулся на следующий день, вмазался и выложил сороковник. Я достал десять коробок, две отложил в сторону:

– Останется для личного пользования.

Рой удивленно уставился на меня:

– Разве ты тоже?

– Иногда.

– Чертовски вредная штукавина. – Он покачал головой. – Худшее из того, что может случайно произойти с человеком. Сначала мы уверены, что можем ее контролировать. А когда-

нибудь уже не захотим этого делать. – И добавил с усмешкой: – По такой цене я возьму все, что ты сможешь достать.

Заявился и на следующий день. Спросил, не хочу ли передумать и продать ему те две коробки. Я отказался. Тогда он купил две ампулы по баксу за каждую и, втерев обе, отчалил, сообщив, что нанялся на корабль на двухмесячный рейс.

В течение месяца были пущены в расход непроданные восемь ампул. Страх, испытанный мною после первой, был уже не замечен после третьей. Хотя изредка это ощущение появлялось, когда, отплавав, просыпался наутро. Где-то через шесть недель звякнул Рою, не рассчитывая, правда, что он вернулся из своего рейса, но неожиданно услышал в трубке его голос.

– Послушай... У тебя есть что-нибудь на продажу? Из той серии, что я раньше тебе продавал?

Наступила выжидательная пауза.

– Да-а. Я могу уступить тебе шесть, но только по цене три бакса за... Пойми, у меня их немного.

– Хорошо. Дорогу ты знаешь. Приезжай и привози.

Двадцать одна полграновая таблетка в тонкой стеклянной трубке. Заплатил ему восемнадцать долларов, получив повторные извинения за такую розничную расценку.

На следующий день он откупил два грана назад.

– Теперь стало довольно трудно доставать, даже по самым крышесносящим ценам, – заметил Рой, подыскивая на ноге подходящую вену. Наконец попал и пустил раствор вместе с пузырьками воздуха в шприце.

– Если бы пузырьки могли хоть кого-нибудь прикончить, в живых не осталось бы ни одного джанки.

В тот же день Рой показал мне аптеку, где без лишних вопросов продавали шприцы (очень немногие продавали их без рецептов), и объяснил, как из бумаги, для более плотной посадки иглы на глазную пипетку, делать «воротник».

Глазная пипетка гораздо удобнее для вмазок, особенно внутривенных, чем обычные машинки для внутримышечных инъекций.

Спустя несколько дней Рой послал меня к врачу с телегой про камни в почках, рассчитывая раскрутить его на морфяной рецепт. Несмотря на противодействие докторской жены, захлопнувшей дверь прямо перед моим носом, мы в конце концов своего достигли – Рою удалось проскочить мимо нее, а раскрутить врача на десятиграновый рецепт оказалось проще простого.

Офис этого медицинского светила, находившийся на территории джанки, размещался на Сто второй улице, в сторону от Бродвея. Сам он – дряхлый старикашка, физически не мог препятствовать нашествию в свой кабинет наркоманов, бывших, по сути дела, единственными его пациентами. Очевидно, каждодневное наблюдение толпы мнимых больных придавало ему ощущение собственной значимости. Я полагаю, он достиг того уровня, когда явления внешнего мира предстают перед тобой в полном соответствии с твоими эстетическими запросами, так что, выглядывая в приемную, вместо сбора жалких торчков, пришедших раскрутить его на рецепт, видел довольно известных и обеспеченных клиентов, одетых в соответствии со стандартами высшего общества начала века.

Рой отправлялся в плавание через каждые две-три недели. Эти рейсы, как правило, краткосрочные, были связаны с перевозками военных грузов. Как только он сходил на берег, мы в обычном порядке спускали по назначению несколько рецептов. Поскольку старый коновал-маразматик со Сто второй в итоге окончательно рехнулся, ни в одной аптеке больше его рецептов не принимали. Но жизнь продолжалась, и Рой откопал новый источник рецептов – врача-итальянца из Бронкса.

Я кололся периодически, до подсадки было еще далеко. Зато переехал – моим новым обиталищем стала квартира на Лоуэр-Ист-Сайд. Многоквартирный дом, дверь открывалась в кухню.

Вечерами стал зависать в баре «Энгл», иногда пересекаясь с Германом. Я сумел растопить холод недоверия от нашей первой встречи и вскоре спонсировал его на жратву с выпивкой, а он, помимо того, регулярно стрелял у меня мелочевку. Сесть к тому времени Герман еще не успел, да и по жизни садился редко, пока не объявлялся какой-нибудь очередной спонсор. Но вот просто под кайфом или в полной прострации находился постоянно – будь то от дури, бензедрина или дураколов. С Уайти, здоровенным кретином-ханки (поляком), он каждый вечер заходил в «Энгл». В тамошней тусовке уже было четверо Уайти, что способствовало всяческой путанице. Новоприбывший сочетал в себе болезненную восприимчивость невротика с психопатической тягой к насилию, пребывая в непоколебимой уверенности, что он никому не нравится. Это обстоятельство, казалось, доставляло ему ужасное беспокойство.

Как-то во вторник вечером мы с Роем стояли в «Энгле» за стойкой, в самом дальнем углу. Тут же ошивались «Метрошный» Майк с Фрэнки Доланом, слегка косым на один глаз ирландским недомерком, специализировавшимся на пошловатых остротах и зверских избиениях незащищенных пьянчуг, сваливая потом все на своих сообщников. «У меня же совести нет и не было, – мог заявить он с полным на то правом, и, хихикнув, добавить: – Я ведь законченный подонок».

У «Метрошного» Майка было широкое бледное лицо и длинные зубы. Он напоминал особую разновидность подземных животных, добычей которых становятся наземные зверьки. Репутацию квалифицированного «бухолова» ему изрядно подгадила крайне подозрительная внешность. Увидев его, любой полицейский автоматически делал стойку. Так что Майк хорошо был известен дежурящим в метро фараонам и почти половину своей жизни провел на Айленде, отбывая «пять-двадцать девять» за грабеж.

Этим вечером Герман отрубился, закинувшись «нембиз», лицо «размазало» по стойке. Уайти, пытаясь сесть на халяву, прохаживался вдоль стойки, цепляясь абсолютно ко всем. Ребята за стойкой напряженно замерли, судорожно сжимая свои недопитые стаканы и рассовывая по карманам мелочь. Услышав, как Уайти сказал бармену: «Будь столь любезен, сохрани это для меня», – я повернулся и заметил, что тот передал через стойку большой складной нож. Сидевшие рядом притихли, приуныли. Натянута атмосфера придавала флюоресцентному освещению бара особый зловещий оттенок. Все, за исключением Роя, боялись Уайти. Рой же мрачно потягивал пиво. Его глаза светились своим особенным блеском, длинная нескладная фигура нависала над стойкой. Он смотрел не на Уайти, а в противоположную сторону, где были отдельные кабинки, проронив за все время единственную фразу: «Он пьян не больше меня. Просто хочет нажраться за чужой счет».

Уайти стоял посередине бара со сжатыми кулаками, по лицу текли слезы.

– Во мне же ничего хорошего, – повторял он. – Ничего хорошего. Ну может ли кто-нибудь понять... Я ни хрена не просекаю из того, что делаю...

Посетители старались убраться от него как можно дальше, по возможности не привлекая к себе внимания.

Внутрь зашел «Метрошный» Слим, изредка работавший с Майком в паре, и громко заказал пиво. Высокий, костлявый, лицо неприятное, взгляд удивительно безжизненный, как у деревянной маски. Уайти хлопнул его по спине и до нас донеслось:

– Да какого черта, Уайти...

Прозвучало еще что-то, оставшееся между ними. Видимо, Уайти успел забрать свой нож у бармена. Он пододвинулся вплотную, и его рука неожиданно врезалась в Слимовскую спину. Тот со стоном рухнул на пол прямо напротив стойки. Уайти же, оглядевшись, зашагал к выходу. Нож свой сложил и сунул в карман.

– Пошли отсюда, – сказал Рой.

Уйти и след простыл. Бар опустел, остались только Майк, поддерживавший Слима с одной стороны, да Фрэнки Долан – с другой.

На следующий день я узнал от Фрэнки, что со Слимом все в порядке: «Коновал в больнице сказал, нож чуть почку не задел». Тут прорвало Роя: «Это ведь полный гондон. Я-то думал – настоящий бычара, а как увидел, что чувак слоняется по бару, стреляя даймы и четвертаки, пришел в полную боевую готовность. Дал бы сначала ему под дых, а вдогон пустой литровкой из ящика засветил по башке. Когда махаешься с такой здоровенной скотиной, тут уж без стратегии не обойтись».

Из «Энгла» нас всех вскоре выперли, а по прошествии некоторого времени бар переименовали в «Рокси-Гриль».

Однажды вечером я зашел навестить Джека по одному адресу на Генри-стрит. Дверь открыла высокая рыжая девица. Назвалась Мэри, пригласила войти. Оказалось, что Джек умотал по делам в Вашингтон.

– Да ты не стесняйся, проходи в переднюю комнату, – сказала герла, отдернув в сторону красную плисовую занавеску. – Я на кухне говорю только с владельцами дома и кредиторами. А живем мы здесь.

Я огляделся. Никакого хлама. Комната напоминала китайскую забегаловку, где подают рагу. В разных углах сложены покрытые лаком красные и черные дощечки, окно плотно закрывали черные шторы. На потолке был нарисован круг с разноцветными квадратами и треугольниками внутри, создававшими эффект мозаики.

– Джек сделал, – указав на круг, отметила Мэри с ноткой восхищения в голосе. – Ты бы видел его в тот момент. Между двумя приставными лестницами он протянул широкую доску. Так, лежа на ней, и рисовал. А на лицо капала краска... Он страшно прикалывается к таким вещам. Когда мы под кайфом, у нас от этого круга просто ломовые приходы. Лежим на спине и врубаемся... А довольно скоро эта фигня начинает кружиться. И чем дольше ты смотришь, тем быстрее она кружится.

Круг был воплощением кошмарной вульгаризации ацтекской мозаики, убийственным и пошлым кошмаром. В нем было нечто от учащенного сердцебиения на утренней заре, кричащей розово-голубой мешанины из сувенирных пепельниц, почтовых открыток и календарей. Стены комнаты выкрасили в черный, на одной из них красовались покрытые тем же лаком красные китайские иероглифы.

– Мы, правда, не знаем, что они означают, – сказала Мэри, перехватив мой взгляд.

– Мужские рубашки, тридцать один цент за штуку, – предположил я.

Она повернулась ко мне, наградив холодной, бессмысленной улыбкой, и завела разговор о Джеке.

– Считает меня ненормальной, а для самого воровство – как любая другая работа. Привык заявляться ночами и кидать мне с порога свою пушку – дескать, запрячь подальше. А ведь любит зависать дома, рисовать и мастерить мебель.

Она прохаживалась по комнате, не прекращая ни на минуту своего словоизвержения; кидалась с одного стула на другой, то скрестив, то расставив ноги, беспрестанно одергивала нижнюю юбку, предоставляя мне возможность выборочно ознакомиться с прелестями ее анатомии.

С Джека перескочила на личное, сообщив, что когда-то дни ее были сочтены из-за одной весьма редкой болезни.

– Зарегистрировано только двадцать шесть случаев... Несколько лет я вообще была не в состоянии что-либо делать. Понимаешь, мой организм кальций не усваивал, кости стали мед-

ленно иссыхать и уменьшаться. Так, со временем мне должны были ампутировать ноги, потом руки.

В ней явно чувствовалось нечто беспозвоночное, глубоководно-морское, охваченное давящей липкой средой, сквозь которую на тебя взирают холодные рыбы глаза. И вот ты сидишь и пялишься в эти глаза, мерцающие тусклыми огоньками в бесформенной массе протоплазмы, мерно качающейся над морским дном в кромешной темноте.

Тут она вдруг переключилась на новую тему:

– Прикольная штука бензедрин. Три промокашки или около десятка таблеток. Или берешь две промокашки «Бенни» и с двумя дураколами кидаешь на кишку... Два кайфа прокачиваются, один сменяет другой. Офигенно растопыривает.

Неведомым ветром занесло трех малолетних урелов из Бруклина. Рожи тупые, руки в карманах, старо как мир или, на худой конец, как балет. Искали Джека, недоплатившего им в некой сделке. Таков по крайней мере был их главный тезис. Суть своего визита они словами почти не разъясняли, больше многозначительно кивали, гордо расхаживали по комнате и прислонялись к стенам. Наконец один из них прошествовал к двери, судорожно дернув головой на прощание. За ним потянулись остальные.

– Может, хочешь кайф словить? – спросила Мэри. – У меня здесь где-то пяточка осталась.

И она принялась шарить по всем ящикам и пепельницам.

– Да нет, показалось. Слушай, а почему бы нам не выбраться в город? Я знаю нескольких неплохих продавцов, наверняка сейчас кого-нибудь поймает.

Покачиваясь, зашел молодой парень, держа под мышкой какую-то фигню, завернутую в коричневую бумагу.

– Выбросишь на выходе, – сказал он, обращаясь то ли к ней, то ли ко мне, и, пошатываясь, побрел через кухню в спальню, которая находилась в другом конце квартиры.

Когда мы вылезли на улицу, я разорвал обертку, и в руках оказалась грубо развороченная фомкой копилка, предназначенная для платы за пользование сортиром.

Сев в такси, мы стали курсировать по улицам, прилегающим к Таймс-Сквер. Мэри распорядилась, время от времени истошно вопила «Стоп!» и выпрыгивала из машины наружу, так что мне оставалось лишь лицезреть мелькающие среди прохожих распущенные рыжие волосы. Присмотревшись к каким-то типам, она подходила и обменивалась с ними несколькими фразами. «Продавец ошивался здесь десять минут назад. Чувак при товаре, но никого не подогревает». Позже: «Основной отправился дрыхнуть. В Бронксе живет... Эй, тормозни-ка здесь на минутку. Я, может, найду кого-нибудь в Келлоге». И в завершение: «Похоже, все пустые. Немного припоздали. Дурь никого ждать не будет... Давай купим немного „Бенни“ и прошвырнемся к Ронни. Они частенько заводят что-нибудь из старенького. Закажем кофе и закинемся».

«У Ронни» была ночной забегаловкой рядом с Пяťдесят второй и Шестой, куда после часа ночи заходили музыканты на кофе и жареных цыплят. Мы сели в кабинку и заказали кофе. Мэри наработанным движением вскрыла капсулу бензедрина, удалив фальцовку, и протянула мне три промокашки:

– Скатай в шарик, кофе запьешь.

Промокашка отдавала тошнотворным привкусом ментола. Несколько людей, сидевших по соседству, принялись и заулыбались. Я чуть было не подавился этим катышком, но в конце концов проглотил. Мэри отобрала какие-то старые пластинки, завела и плюхнулась за столик с экспрессией мастурбирующей идиотки.

Вскоре пробило на разговор, и я погнал с сумасшедшей скоростью. Во рту сушняк. Когда сплевывал, слюна выходила округлыми белыми сгустками – «плевать ватой», как это называют. Мы потащились на Таймс-Сквер: Мэри захотела выпечить кого-нибудь из уличных музыкантов с блок-флейтой «пикколо». Меня переполнял, выходя за грань приличия, открытый, благожелательный настрой. Неожиданно появилось желание позвонить людям, с которыми не виделся

месяцами, даже годами, людям, которых недолюбливал и которые платили мне тем же. Обломившись в поисках совершенного обладателя «пикколо», мимоходом разбавив нашу компанию случайным Питером, решили вернуться на Генри-стрит, где хоть по крайней мере было радио.

Следующие тридцать часов Питер, Мэри и я провели в этой квартире. Периодически варили кофе и догонялись бензедрином. Мэри посвящала нас в технологию доения «Джоников» (Папиков), составлявших основной источник ее доходов.

– «Джоника» (Папика) всегда надо вымуштровать. Особенно если он с претензией на сексапильность, обязательно говоришь: «О, никогда больше не делай мне больно». «Джоник» (Папик) – это не какой-нибудь безмазовый ублюдок. Когда связываешься с безмазовым, все время должна быть настороже. Ничего ему не даешь. Безмазового просто потребляешь. «Джоник» же дело другое. Даешь ему то, за что он платит. Когда ты с ним, наслаждаешься собой и делаешь ему так, чтобы он тоже перся от себя самого.

Если действительно хочешь опустить мужика, закури в разгар ебли сигарету. Конечно, на самом-то деле меня мужики в сексуальном плане совершенно не прикалывают. Вот от кого я по-настоящему в тасках, так это от баб. Просто кончаю, когда удастся снять и духовно сломать очередную гордую чувиху, заставив ее осознать, что она – только животное и ничего больше. А ведь после того как ее сломали, чувиха уже никогда не будет казаться красивой. Согласись, отдает превратностями семейной жизни, – заметила она, обращаясь к радио, которое было единственной отдушиной в этой комнате.

Как только она заговорила о мужиках, которые пристают к ней на улице, ее лицо исказило выражение обезьяноподобной ярости.

– Сучье отродье! – рычала Мэри. – Заговаривают, только если ты не похожа на ту, что сразу дает. Я частенько прохаживаюсь по улице со свинцовыми кастетами под перчатками и жду одного – когда кто-нибудь из этого быдла попытается до меня домогнуться.

Как-то раз Герман сообщил мне, что за семьдесят долларов можно зацепить кило перво-классной Новоорлеанской дури. Теоретически торговать травой весьма прибыльно, равно как и заниматься животноводством или разводить лягушек для французских ресторанов. Семьдесят пять центов за косяк, в унции (28,3 г) – семьдесят косяков, здесь явно пахло деньгами. Уверившись в этом, я купил траву.

Вместе с Германом мы составили пушерский тандем. Герман откопал проживавшую в Виллидже лесбиянку по имени Мэриен, мнившую себя поэтессой. В квартиру Мэриен мы и забросили дурь, предоставив ей право халявы на потребление и пятьдесят процентов с оборота. Она знала множество любителей дунуть, вопрос с клиентами отпал. Одновременно с дурью в квартире обосновалась еще одна лесбиянка, и каждый раз, когда я заходил к Мэриен, натывался на эту необъятную рыжую Лиззи, ловя на себе взгляд ее мутных, отъехавших глаз, полных тупой ненависти.

Однажды, открыв дверь, рыжая Лиззи так и осталась стоять на проходе, лицо мертвенно-бледное, отекавшее от спячки под нембуталом. Сунув мне пакет с травой, злобно прошипела в своем полузабытии:

– Забирайте это и убирайтесь. Оба вы ублюдки, еб вашу мать.

Она была в полном отрубе, но голос ее гремел, как у прокурора, будто она на самом деле обвиняла нас в инцесте.

– Передай Мэриен спасибо за все, – сказал я.

В ответ она захлопнула дверь с таким шумом, что, видимо, сама от него проснулась. Снова открыв, выскочила на лестницу и принялась орать в приступе истерической злобы. Ее крик был слышен даже на улице.

Герман вышел на других плановых. Все они, без исключения, предъявляли нам претензии. На практике торговля травой – сплошной облом. Начнем с того, что трава – продукт для

переноски достаточно неудобный. Чтобы выручить хоть какие-то деньги, а иначе не стоит этим заниматься, надо постоянно таскать с собой полностью набитый дипломат. Если в один прекрасный день легавые высадят твою дверь, лучше оказаться с тюком люцерны.

Плановые абсолютно не похожи на джанки, которые дают тебе деньги, получают свой джанк и уматывают без лишнего пиздежа. Плановые, как правило, так не поступают. Они ждут и надеются, что ты их подогреешь, отсыпешь, сделав жизнь вечным халявным праздником, и будут с полчаса доставать, уламывая тебя продать за два доллара, а не за три, отсыпать в кредит, по дружбе, по причине личных неприятностей и т. п. А если оборвешь и сразу перейдешь к делу, скажут, что ты обломщик, приземленный, напряженный тип, которого ничего, кроме денег, не интересует. На самом-то деле, учитывая кидалово, продавец не должен прямо так заявляться и объявлять во всеуслышание, что он – это он. Продавать надо своим, да и то избранным, чувакам и чувихам. Для остальных ты – зачумленный барыга без совести и чести. Все знают, что ты барыга, но сказать так вслух считается дурным тоном. Бог его знает, почему. Для меня плановые непостижимы.

В травяном бизнесе существует масса торговых уловок. Плановые окружают эти мнимые секреты идиотской хитрожопой таинственностью. Например: план по идее должен быть пробит, без палок, или он вдруг оказывается светло-зеленым, слишком дерет горло. Но вот если спросишь планового, как дурь пробить, он бросит на тебя иронично-бестолковый взгляд и начнет переводить стрелы. Наверное, трава в результате постоянного употребления таки сажает мозги, а может, плановые глупы изначально.

Моя зелень оказалась слишком светлой, так что пришлось применить метод сдвоенных кастрюль: дурь кладется в кастрюлю поменьше, та, соответственно, опускается в другую и конструкция ставится на плиту, пока план не приобретет родной темно-зеленый цвет. Вот, собственно, и весь секрет готовки плана или по крайней мере один из способов.

Плановые общительны, довольно чувствительны, зачастую параноики. Если ты зарекомендовал себя как «тормоз» или напряженный, то лучше дел с ними не иметь. Вскоре я понял, что ладить с этими типами выше моих сил, и был доволен, когда нашел персонажа, которому скинул оставшуюся траву по первоначальной цене. Я твердо тогда решил больше никогда не толкать план.

В 1937 году марихуана попала под Закон Харрисона «О наркотиках». Власти, в чьей компетенции находились наркотики, то есть борьба с ними, объявили ее наркотиком, вызывающим привыкание, употребление которого чрезвычайно вредно для ума и тела, провоцируя потребителей на совершение различных преступлений. А вот каковы реалии: марихуана, вне всякого сомнения, привыкания не вызывает. Траву можно курить на протяжении многих лет и, если запас неожиданно кончится, вы не будете испытывать каких-либо физических неудобств. В тюрьме я видел много плановых, и ни у одного не прослеживались симптомы отходняка или какие-либо отклонения от нормы. Я покурил время от времени в течение пятнадцати лет и никогда не дергался, когда оказывался на нуле. К марихуане гораздо меньшее привыкание, чем к табаку. Она никоим образом не портит общее самочувствие. Наоборот, большинство потребителей утверждают, что трава способствует появлению аппетита и воздействует на организм как тонизирующее средство. Я не знаю других веществ, так явно обостряющих вкусовые ощущения. Выкурив косячок доброго плана, я просто кайфую от домашнего мясного салата и стаканчика калифорнийского шерри.

А однажды с помощью травы я слезал с джанка. И на второй день чистяка спокойно сел и наелся до отвала. Обычно, когда слезал с морфы, я не мог есть около восьми дней.

Марихуана не толкает людей на совершение преступлений. Я никогда не видел, чтобы кого-нибудь под действием дури тянуло на беспредел. Обычно плановые необычайно дружелюбны. На мой взгляд, даже слишком. Никак не могу понять, почему люди, утверждающие, что трава провоцирует преступления, абсолютно непоследовательны и не требуют запрещения

алкоголя. Ежедневно пьяными совершается множество преступлений, причем в трезвом виде им и в голову не придет осуществить нечто подобное.

Уже много было сказано о возбуждающем действии травы. По некоторым причинам ученые не любят упоминать о том, что есть такая штука, как половое возбуждение, поэтому-то большинство фармакологов говорят «об отсутствии оснований придерживаться весьма распространенной в некоторых кругах идеи о марихуане как о половом стимуляторе». Могу заявить с полным на то основанием, что трава по сути своей сладострастна и заниматься под ней сексом гораздо приятнее, чем без нее. Это заявление подтвердит каждый, кто курил хороший продукт.

Вы наверняка слышали, что, потребляя траву, люди сходят с ума. Разумеется, определенная форма умопомешательства в результате постоянного употребления, безусловно, присутствует. Однако состояние это пространственно относительно. Марихуана, доступная в пределах США, на самом деле недостаточно сильная для того, чтобы тебе наглухо снесло крышу, поэтому в Штатах травяной психоз довольно редкое явление. Утверждают, что на Ближнем Востоке оно довольно обыденно. Травяной психоз более или менее соответствует белой горячке и быстро отпускает, как только заканчивается действие наркотика. Человек, выдувающий по несколько коктейлей до обеда, докатится до «белой горки» быстрее, чем тот, кто выкуривает по несколько косяков в день.

Одно предостережение: находясь под травяным кайфом, человек совершенно не способен вести машину. Трава здорово нарушает представление о времени и пространстве. Как-то раз, в Новом Орлеане, мне пришлось зависнуть на обочине и ждать, пока дурь отпустит. Не мог понять, на каком расстоянии что от меня находится, когда поворачивать или тормозить на перекрестках.

Теперь я кололся каждый день. После того как из квартиры, где Герман проживал с Джеком и Мэри, исчезли все платежеспособные тусовщики, он переехал ко мне на Генри-стрит. Джек, засыпавшись на ерунде, сидел, ожидая суда, в Окружной тюрьме Бронкса. Мэри с очередным «Джоником» (Папиком) свалила во Флориду. Платить самому Герману и в голову не приходило. Всю свою сознательную жизнь он вписывался на чужих квартирах.

Рой позволил себе долгую береговую отсидку. Он обнаружил в Бронксе одного врача, оказавшегося полным невеждой в выписке подобных рецептов. Этот коновал раскручивался на три рецепта в день, максимум – по тридцать таблеток на рецепт. Правда, количество время от времени вызвало у него подозрение, которое всегда таяло при виде денег, действовавших на него отрезвляюще.

В природе существуют несколько видов коновалов-выписчиков. Одни выписывают только в том случае, если убеждены, что ты наркоман, другие – только если убеждены, что нет. Подавляющее большинство наркоманов прогоняют однообразные, приевшиеся за годы торчания телеги о мнимых болезнях. Многие жалуются на камни в почках или желчном пузыре. Эту байку настолько заездили, что коновал при упоминании о желчных камнях зачастую незамедлительно вскакивал и указывал тебе на дверь.

Гораздо лучших результатов я добивался с помощью лицевой невралгии, предварительно разыскав в справочнике информацию о симптомах и заучив их наизусть. Рой подкреплял свое желчнокаменное гонимо постоперационным шрамом на животе.

В кирпичном викторианском доме на Уэст-Севентиз проживал один старомодный доктор. Перед ним было просто необходимо предстать в облике джентльмена. Если вам удавалось пройти в его кабинет, значит, облик покатыл, но, невзирая на это, он выписывал только три рецепта. Другой врач был вечно пьян, и всех делов-то было, застать его в нужное время. Довольно часто он выписывал рецепт неправильно, приходилось возвращать на правку. В таком случае с определенной долей вероятности сей слуга Гиппократ мог заявить, что это подлог, и порвать его в клочья. Третий пребывал в глубоком старческом маразме, и приходи-

лось самому помогать ему выписывать. Тут он мог забыть, что делал, положить ручку и предаться долгим воспоминаниям о пациентах высшего общества, прибегнувших к его услугам. Особенно любил рассказывать о некоем генерале Горе, сказавшем однажды: «Доктор, я обращался в клинику Майо, но должен сказать, что вы знаете больше, чем весь тамошний персонал, вместе взятый». Остановить дедка было невозможно, и наркоман, доведенный до белого каления, терпеливо все это выслушивал. Зачастую в самую последнюю минуту врывается докторская жена и рвала рецепт ко всем чертям или по крайней мере отказывалась заверить, когда запрашивала аптека.

Вообще-то пожилые врачи в отличие от молодых более предрасположены к выписке. Одно время клевым источником были врачи-эмигранты, но очень скоро наркоманы их засветили. И весьма часто, услышав о наркотиках, они просто зверели и угрожали вызвать полицию.

Эскулапы взращены на раздутых представлениях о своем исключительном положении в обществе, причем настолько, что в целом конкретный подход представляется наихудшим из возможных вариантов. Они не верят вашим болезненным историям, но тем не менее желают хоть что-нибудь услышать для проформы. Выходит нечто вроде восточного ритуала сохранения хорошей мины при плохой игре. Один парень играл в благородного, отказываясь выписать неприличный рецепт даже за тысячу долларов. Остальные же из кожи лезли вон, чтобы представить происходящее как рабочие отношения с законопослушными пациентами. А если ты заявишь с порога: «Послушайте, док, мне нужен рецепт на ЭМ-ЭС и я готов заплатить за него двойную цену», – коновал придет в бешенство и вышвырнет тебя из кабинета. Врач – он тоже вроде больного; к каждому нужен индивидуальный подход, иначе останешься на бобах.

Рой стал таким кремнистым джанки, что для того чтобы держаться с ним наравне и получать свою долю, мне и Герману приходилось колоть больше, чем нам требовалось. Экономя джанк, я стал пускать по основной, да и кроме того, немедленный приход оказался гораздо лучше. С выдачей по рецептам у нас была куча обломов. Большинство аптек выдавало морфий по рецептам только два, а то и один раз, во многих и того не делали, просто посылали. Лишь в одной мы каждый раз затаривались и в конце концов все стали сносить туда, невзирая на совет Роя распылять по разным местам, чтобы инспектору было труднее их вычислить. Слишком уж напряжно было таскаться от одной аптеки к другой, так что обычно мы закруглялись, принося их в одно и то же место. Я научился тщательно прятать свой продукт – «заныкивать», как говорят «по фене». Рою и Герману никак не удавалось обнаружить и немного попользоваться.

Взять джанк, спрятанный другим джанки, – значит «раскрутить (кинуть, поставить) его на заначку». Уберечься от этой формы воровства, особенно если торчишь вместе, довольно трудно, потому что джанки прекрасно знают, где искать заначки. Некоторые таскают свой продукт на себе, попадая, таким образом, в случае полицейского шмона под статью за хранение.

Приступив к ежедневному употреблению джанка, часто по несколько раз, я перестал пить и шляться по ночам. Когда сидишь на опиатах, то не пьешь. По всей видимости, тело, в клетках которого остается много джанка, не переваривает алкоголь. Спиртное остается в желудке, медленно вызывая тошноту, заторможенность, головокружение, и никаких тебе приходов, просто хреново. Опиаты могли бы стать незаменимым, верным средством для лечения алкоголиков. Перестал я также принимать ванну. Когда торчишь, ощущение воды на коже, по некоторым причинам, неприятно. Принять душ или ванну джанки можно заставить только по принуждению. Масса чепухи была написана о мнимых изменениях, которым подвергаются люди, как только садятся на наркоту. Ни с того ни с сего наркоман смотрит на себя в зеркало и не узнает. Настоящие изменения трудно точно определить – они не застывают в зеркальном отражении. Дело в том, что, как только начинает прогрессировать привыкание, наркоман вступает в «мертвую зону». Он вообще не осознает, что сел. «В подсадке нет необходимости, – говорит он, – если ты осторожен и соблюдаешь некоторые правила, такие как вмазка через день». Но в действительности эти правила не соблюдаются, и каждый дополнительный укол расценивается как

исключительный. Все наркоманы, с которыми я общался, утверждают, что были весьма удивлены, задним числом обнаружив первую подсадку. А многие относили появившиеся симптомы к каким-либо другим заболеваниям.

Как только привыкание вступает в свои права, для торчка перестают быть значимыми все остальные интересы. Жизнь сводится к джанку, дозе и предвкушению следующей, «заначкам», рецептам, иглам и машинкам. У наркомана часто появляется сугубо личное ощущение, что ведет он нормальный образ жизни, а джанк – это только побочное явление, незначительный эпизод. Он не осознает, что уже выбрался из потока своей «внеджанковской» жизнедеятельности. И вот только тогда, когда иссякают денежные ресурсы, он понимает, что значит для него джанк.

«Почему же вам были нужны наркотики, мистер Ли?» – вопрос этих идиотов-психиатров. Ответ таков: «Джанк мне нужен, чтобы вставать утром с постели, побриться и позавтракать. Мне он необходим, чтобы оставаться в списке живых».

Разумеется, от отсутствия джанка джанки, как правило, не умирают. Но в чисто буквальном смысле слезание приводит к смерти зависящих от джанка клеток и замену их новыми, которым он не нужен.

Рой со своей старухой переехал в тот же дом. Каждый день после завтрака мы собирались в моей квартире, планируя суточное расписание нашей джанк-программы. Один из нас обязательно должен был навеститься к коновалу. Рой всегда старался переложить эту задачу на наши плечи, прибегая к всевозможным отмазкам: «Сейчас я идти не могу, ведь мы с ним недавно поцапались. Но слушай, что ты напрягаешься... Я же врубил тебя во всю трепотню». В другом варианте он пытался раскачать меня или Германа на раскрутку нового объекта: «Да это верняк! Как пить дать выпишет, только не мели чушь и не провоцируй его на отказ. Сам пойти не смогу».

Как-то один из его верняковых коновалов вышел на меня по телефону. На мое взволнованное сообщение Рой глубокомысленно изрек: «Ага... думаю, чувак на крючке. Кто-то кинул его на лекарства несколько дней назад». После этого я стал держаться подальше от незнакомых дубарей. Но вскоре заартачился наш бруклинский мальчик.

Рано или поздно накрываются все мазовые коновалы. И вот однажды, когда Рой пришел за своим рецептом, наш основной выдал нижеследующую сентенцию:

– Этот, несомненно, будет последним, а вам, ребята, советую на время затаиться. Вчера ко мне заходил инспектор. У него есть все рецепты, которые я вам выписывал. Предупредил, если я выпишу еще что-нибудь в этом роде, то потеряю рабочую лицензию, так что здесь вместо сегодняшнего – вчерашнее число. Скажешь аптекарю, что вчера приболел и не смог зайти по нему купить. Вы ведь указали мне в рецептах липовые адреса, а это нарушение 334-й статьи «Закона об охране общественного здоровья». Не говорите потом, что я вас не предупреждал. И ради бога, молчите обо мне, если вас будут допрашивать. Это может стоить профессиональной карьеры. Вы ж понимаете, с вами, ребята, я всегда был справедлив. Хотел остановиться уже несколько месяцев назад, но просто не мог бросить вас на произвол судьбы. А посему давайте спокойно расстанемся. Вот тебе рецепт и больше никогда сюда не приходи.

Рой вернулся на следующий день. На защиту фамильной чести врач предусмотрительно вызвал своего шурина. Тот обошелся без сантиментов. Схватив Роя сзади за воротник куртки и ремень, выкинул его на тротуар.

– Если еще раз припрешься сюда доставать доктора и попадешься мне на глаза, костей не соберешь, – предупредил он.

Десятью минутами позже появился Герман и напоролся на схожий прием. Но оказался не промах: вытащив из-под куртки шелковое платье (насколько я помню, кто-то впарил нам за три грана морфия краденые женские шмотки), он галантно обратился к докторской жене, которая

спустилась вниз посмотреть, что означает вся эта кутерьма. «Полагаю, что вам понравится это платье», – вот так Герману удалось еще раз переговорить с врачом, выписавшим действительно последний рецепт. Три часа он мотался по аптекам, пока не затарился. Наша постоянная была строго предупреждена инспектором и больше там по этим рецептам не выдавали. Ее хозяин ограничился полезным советом: «Мужики, вам бы лучше исчезнуть. Сдается мне, у инспектора уже на всех вас есть ордера».

Наш коновал завязал окончательно. Разделившись, мы прочесали весь город. Обошли Бруклин, Бронкс, Куинз, Джерси-Сити и Ньюарк. И не смогли купить даже пантопон. Будто все врачи знали нас в лицо и ждали только одного, что, когда ты войдешь к ним в кабинет, они выдадут заранее заготовленную фразу: «Это совершенно невозможно». Как если бы каждый врач Большого Нью-Йорка неожиданно дал обет никогда больше не выписывать наркотических рецептов. Джанк таял на глазах. Становилось очевидным, что мы окажемся в полной прострации через считанные часы. Рой решил выбросить белый флаг, отправившись для «тридцатидневного лечения» на Райкер-Айленд. Там и речи не могло быть о реабилитации. Они ничего не дают из джанка, не всегда даже снотворное. Наркоману предлагается лишь тридцатидневная отсидка. Помещение всегда переполнено.

Во время поисков коновала Германа повязали в Бронксе. Никаких обвинений, просто двум детективам не понравились его взгляды. Доставив его в управление, выяснили, что у наркошной бригады есть уже ордер на арест за подписью инспектора штата. Основой для обвинения был липовый адрес на наркотическом рецепте. Мне позвонил один адвокат – «наварило-выручало» – и спросил, собираюсь ли я выложить деньги, чтобы купить для Германа поручительство. Вместо запрошенной суммы я выслал два доллара на сигареты. Если парень собрался отсиживать, то может с успехом приступить.

В этот момент джанк весь вышел, и я по второму заходу прогревал свои последние ватки. Джанк варят на ложке, а в машинку набирают через маленький комоч ватки, чтобы не пропало ни капли продукта. Немного раствора в ватках остается, и наркоманы берегут «вторяки» как зеницу ока на крайний случай.

Загрузив старомодного джентльмена нестерпимыми головными болями от мигрени, я получил рецепт на кодеин. Это лучше, чем ничего, пять гран под кожу предохраняет тебя от ломки. По некоторым причинам колоть кодеин в вену опасно.

Помню, однажды ночью мы с Германом были застигнуты врасплох полным отсутствием чего-либо, за исключением сульфата кодеина. Сварив первым, Герман вмазал гран в вену. Тут же густо покраснел, затем побледнел как полотно и, болезненно охая, сел на кровать.

– Боже мой! – вырвалось у него.

– Случилось чего? – спросил я. – Похоже, все в полном порядке.

Он бросил на меня кислый взгляд:

– Все в порядке, да? Ну хорошо, тогда вколи себе немного.

Сварив гран, я привел свою рабочую технику в состояние повышенной вмазочной готовности. Герман, так и оставшись на кровати, затаив дыхание, наблюдал за всей этой процедурой. Выдернув иглу, я сразу почувствовал сильное, весьма неприятное покалывание по всему телу, совершенно отличное от иголок на приходе после вмазки качественным морфином. Мне казалось, что лицо мое быстро распухает. Пальцы отяжелели, словно к ним намертво прилипал воздух. Я приземлился рядом со злорадствовавшим Германом.

– Ну и чего, – спросил он, – все в порядке?

– Нет, – мрачно отозвался я.

Мои губы онемели, как будто я вместо вены попал прямо в рот. Ужасно разболелась голова. Я смутно предположил, что если увеличить двигательную нагрузку, то ускоренная циркуляция крови быстро растащит по телу кодеин, и принялся в темпе расхаживать взад и вперед по комнате.

Почувствовав себя через час немного лучше, вернулся к кровати. Герман рассказал об одном своем кореше, который, вмазавшись кодеином, наглухо отрубился, лицо посинело... «Затащил его под холодный душ – помогло, пришел в чувство».

– Так почему же ты мне раньше об этом не сказал? – грозно спросил я.

Герман вдруг совершенно странным образом рассвирепел. Причины его гнева были, как правило, необъяснимы.

– А чего ты хотел, – начал он. – Когда торчишь на джанке, всегда должен настраиваться на некий элемент риска. А кроме того, еще и потому, что реакция на тот или иной препарат, характерная для одного человека, совсем необязательно повторится у другого. Ты ведь был уверен на все сто, что все в порядке. Мне и не хотелось тебя обламывать, заводя отвлеченный треп.

Когда я узнал про арест Германа, то понял, что буду следующим. Однако меня уже скрутил отходняк и я был бессилен покинуть город. Два детектива и федеральный агент арестовали меня прямо на моей квартире. Инспектор штата выписал ордер, согласно которому я обвинялся в нарушении 334-й статьи «Закона об охране общественного здоровья» за указание в рецепте неправильного имени. Команда из двух детективов состояла из Охмурялы и Пугала. Охмуряло вежливо спрашивал:

– Ну и как долго ты сидишь на джанке, Билл? Ты же знаешь, что обязан указывать в этих рецептах свое настоящее имя.

А тут резко встревал Пугало:

– Ладно, хватит, давай начистоту, мы тебе здесь не бойскауты, чтобы ты нам мозги пудрил.

Впрочем, в раскрутке самого дела они не были особенно заинтересованы, да и не требовалось выбивать из меня признание. На пути в управление федерал задал мне несколько вопросов и выправил какую-то бумажку для своих официальных документов. Привезли в «Томбз», сфотографировали и сняли отпечатки пальцев. Пока я ждал своей очереди, чтобы предстать перед судьей, Охмуряло угостил сигаретой и принялся рассказывать про то, какая джанк на самом деле зловарная штука:

– Даже если умудришься просидеть на нем с тридцатник, обманешь только себя самого. А сейчас поедешь к судье с этими дегенератами-извращенцами, – его глаза заблестели, – врачи говорят, что они уже совсем конченые.

Судья определил залог в штуку баксов. Меня доставили обратно в «Томбз», приказали раздеться и встать под душ. Охранник с безразличным выражением лица прошмонал мою одежду. Я снова оделся, был доставлен на лифте наверх и препровожден в одиночную камеру. Заключенных запирают в четыре часа пополудни. Двери захлопываются автоматически с центрального пульта управления, с ужасающим лязгом, гулом отдающимся по всему тюремному блоку.

Кодеин перестал держать окончательно. Из носа и глаз потекло, одежда насквозь промокла от пота. По телу проносились, сменяя друг друга, холодные и горячие волны, словно совсем рядом попеременно то открывали, то закрывали печную дверцу. Слишком слабый, чтобы передвигаться, прилег на койку. Сильно разболевшиеся ноги сводило судорогой так, что любое положение было просто невыносимо и приходилось ворочаться с боку на бок, кататься в липнущей к телу потной одежде.

По соседству кто-то напевал густым негритянским голосом:

– Давай, женщина, вставай, пошевели своей большой жирной попкой-жопкой.

Откуда-то издали доносились голоса:

– Сорок лет! Чувак, я сорока не протяну.

Около полуночи моя благоверная вытащила меня под залог и встретила на выходе с дураколами. Немного помогло.

На следующий день стало хуже, я даже не мог встать с постели. Так и провалился, время от времени закидываясь нембиз. Ночью, приняв две промокашки бензедрина, я дошел до ходячей кондиции, вышел в бар и уселся прямо напротив патефон-автомата. Когда тебя ломает, музыка – знатное средство облегчения. Однажды в Техасе я слезал на траве, пинте парегорика и нескольких пластинках Луиса Армстронга.

Едва ли не поганей, чем физический отходняк, – сопровождающая его депрессия. Как-то днем, в полудреме, мне привиделся лежащий в руинах Нью-Йорк. Внутри и снаружи опустевших баров, кафетериев и аптек на Сорок второй улице ползали огромные скорпионы и сороконожки. Воронки и расселины на мостовой заплонила сорная трава. Кругом ни души.

Через пять дней я почувствовал себя немного лучше. Через восемь на меня напал жор и появился колоссальный аппетит, особенно на пирожки с кремом и макароны. По прошествии десятидневки отпустило окончательно. Ну а дело мое было отложено.

Рой, вернувшись со своего тридцатидневного лечения на Райкер-Айленд, представил меня одному барыге, торговавшему мексиканским Эйчем на пересечении Сто третьей и Бродвея. В начале войны поставки Эйча были фактически прерваны и порецептная Эмми стала единственным доступным джанк-продуктом. Тем не менее вскоре наметились новые пути сообщения, и героин стал поступать из Мексики, где под неусыпной заботой китайцев произрастали обширные маковые поля. Поскольку в мексиканском Эйче была небольшая примесь опия-сырца, отличительным его признаком стал темно-коричневый цвет.

Угол Сто третьей и Бродвея ничем не отличался от других бродвейских местечек: кафетерий, киношка, магазины. Посередине Бродвея небольшой зеленый островок с несколькими скамейками, расставленными через равные промежутки. Сто третья – станция метро, людный квартал, самая джанковая точка в городе. Старина Генри подобно призраку появляется в кафетерии, бродит туда-сюда по кварталу, иногда наполовину пересекая Бродвей, чтобы перевести дух на одной из островных скамеечек. Призрак, блуждающий при дневном свете на переполненных улицах.

В кафетерии ты всегда мог обнаружить засевших там нескольких джанки, либо они, подняв воротники курток, стояли поблизости на улице и нетерпеливо поглядывали по сторонам в ожидании продавца, сплевывая на тротуар. Летом они сидели на островке, переговариваясь между собой полупшепотом, эдакие грифы-скамеечники в черных пиджаках.

Физиономия барыги напоминала скорее мордочку крайне истощенного подростка. Несмотря на свои пятьдесят пять, выглядел он не больше чем на тридцать. Маленький темноволосый человечек с исхудалым ирландским лицом. Когда объявлялся – а подобно многим старым джанки он был совершенно непунктуален, – то сидел за столиком в кафетерии. Ты садился за этот столик, давал деньги и через три минуты встречался с ним на углу, где и получал продукт. С собой он никогда не таскал – оставлял, хитро припрятав, где-нибудь в непосредственной близости от места боевых действий.

Этого человека знали как Ирландца. Одно время он работал на Голландца Шульца, но поскольку крупные рэкетиры не держат джанки среди своих людей ввиду их общепризнанной ненадежности, Ирландца послали. Теперь он периодически приторговывал и «чистил дыры» (грабил пьяных в метро и машинах), когда не мог выйти на оптовых поставщиков продукта для последующей реализации. Однажды ночью Ирландца забрали в метро за пьяную драку. Он повесился в «Томбз».

Работа барыги – один из видов коммунальных услуг. Сменяя друг друга на этом трудоемком и небезопасном посту, этим занимаются все без исключения члены определенного сообщества. Обычный срок пребывания в должности – где-то около трех месяцев. Все сходятся

на том, что это совершенно неблагодарное занятие. Как говаривал Джордж-Грек: «Кончаешь кинутым или в тюрьме. Если не даешь в кредит, все называют тебя жлобом; а если даешь, тобой просто начинают пользоваться».

Джордж не мог обломать, послать человека, который доползал до него под ломкой. Люди стали пользоваться его добротой, вымаливая в долг, а потом перепродавали или покупали у других пушеров. Джордж продержался три года, а когда вышел из игры, то наотрез отказывался заниматься какой-либо торговлей.

На Сто третьей никогда не показывались джанки-хипстеры, помешанные на бибопе. Все местные ребята были древние кремни – исхудавшие, желтого цвета лица. Резкие, колкие на язык с характерной, одеревенелой артикуляцией. (Трудно не узнать джанки по пожатию рук, так же как по вялому, мягкому подергиванию ладони вычисляешь педика. Джанки не жмет руку, а, двинув локтем, скорее хлопает по ней своей одеревенелой пятерней и сразу же ее опускает.) Невзирая на разные национальности, все они были чем-то друг на друга похожи чисто физически. Лик джанка отчетливо проступал за каждым из них: Ирландец, Джордж-Грек, Роза Пантопон, Коридорный Луи, Эрик Пед, Гончий Пес, Матрос и Джо Мекс. Некоторые из них сейчас уже мертвы, остальные сидят или бесследно исчезли.

Нет теперь больше джанки, ждущих продавцов на пересечении Сто третьей и Бродвея. Торговля переместилась в другое место. Но дух опия по-прежнему витает здесь. Он вставляет тебя на углу, сопровождает, пока ты проходишь по кварталу, а затем останавливается, замирая у стены сгорбившимся попрошайкой, озадаченно глядящим тебе вслед.

Джо Мекс – лицо вытянутое, с длинным, заостренным, чуть вздернутым носом. Уголки губ опущены вниз, зубов явно не хватало. Везде морщины, шрамы, но отнюдь не от прожитых лет. Джо наплеватьски относился к тому, что происходило с физиономией. Его глаза оставались веселыми и молодыми. Свойственная ему известная мягкость была обычным явлением для многих старых джанки. Ты мог узнать Джо на офигенном расстоянии. Его силуэт отчетливо проступал на фоне обезличенной городской толпы, как если бы ты рассматривал его в бинокль. Враль был типичный, подобно большинству себе подобных, постоянно перекраивал свои истории, меняя, в зависимости от слушателей, время и состав участников описываемых событий. Выдает, скажем, байку про какого-то своего друга, а в другой раз тот же сюжет излагает применительно к себе, становясь главным действующим лицом. Засев в кафетерии за кофе и кексом, Джо спонтанно извергал на собеседника лавину избранных отрывков из своей биографии.

«Мы-то точно знали, что у этого китаезы осталась заначка. Ну и любым способом пытались заставить проболтаться, где именно. Привязали к стулу. Я зажигал спички, – он чиркнул воображаемой спичкой по воображаемому коробку, – и подносил к его ступням. Тот уперся, продолжал молчать. И так жалко мне этого мужика стало! А тут еще мой кореш вмазал ему рукояткой пушки по кумполу, лицо залила кровь... – Джо провел руками от лба к подбородку, изображая хлынувшую красненькую. – Когда это увидел, аж живот перехватило, ну я и сказал: „Ладно, пошли отсюда, оставь парня в покое. Он нам все равно ничего не скажет“».

Луи – магазинный вор с наглухо слетевшей каской и разболтанными нервами, ходивший исключительно в длинных, поношенных черных пальто, благодаря которым внешне выглядел как заурядный, безобидный старикашка. Ему с превеликим трудом удавалось сочетать в себе вора и наркомана. Раздвоение личности у Луи произошло во время очередной отсидки. До меня доходили слухи, что одно время он был полицейским осведомителем, но к моменту нашего с ним знакомства, по общему мнению, Луи вел правильный образ жизни. Джордж-Грек его недолюбливал, окрестив праздношатающейся скотиной. «Никогда не приглашай его к себе домой, он этим воспользуется. Заявится обдолбанный и полезет к твоим домашним. Для него все едино, тормозов никаких».

В этой тусовке Джордж-Грек считался общепризнанным арбитром. Он решал, кто прав, а кто – нет. Своей честностью Джордж чрезвычайно гордился: «Я никогда никого не кидал».

Зато кидали его – по-крупному, трижды. Еще один такой эксцесс, и он влачил бы жалкое существование заурядного преступника на вечных побегушках. Жизнь Джорджа свелась к необходимости постоянно избегать каких-либо серьезных осложнений. Никакой торговли, никакого воровства; время от времени он работал в доках. Для человека, который на каждом своем шагу возводит сам для себя искусственные преграды, нет иного пути, кроме постепенной деградации. Когда Джордж не мог достать джанк, а это случалось с ним через раз, он пил и глотал дураколы.

Массу неприятностей доставляли ему сидевшие на его шее два сына-подростка. В этот общий для всех период джанк-дефицита он, по большей части, был на полуломке, и ни гроша на этих маленьких дармоедов... Клеймо неудачника навек застыло на его лице. В мое последнее посещение Нью-Йорка я не смог найти Джорджа. Тусовка Сто третьей распалась, и ни один из тех, с кем мне удалось переговорить, понятия не имел, что случилось с Джорджем-Греком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.